

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЕЦ
КУБАНИ

г. Краснодар

7 ОКТ 1986

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ С ТВОРЧЕСТВОМ

НАШ СОБЕСЕДНИК — АКТЕР КРАСНОДАРСКОГО КРАЕВОГО ТЕАТРА ОПЕРЕТТЫ, НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР ВЛАДИМИР КРУГЛОВ.

— Прежде всего, Владимир Игнатьевич, поздравляем от имени наших читателей с присвоением Вам почетного звания «народный артист РСФСР». Это высокое «попытание по службе» заработано годами непрерывного творческого труда в жанре оперетты. Вот давайте с этого и начнем: каким вам видится «легкий» жанр сквозь годы. Какой путь изменений прошла оперетта с тех времен, когда на ее сцену вышел впервые молодой Володя Круглов? И как в настоящее время чувствует себя жанр и в нем — уже народный артист — В. Круглов?

— Как человеку, проработавшему в оперетте двадцать лет, и потому не просто привыкшему, но и полюбившему ее навечно, мне, может быть, трудно быть беспристрастным. Но тем не менее скажу: жанр чувствует себя уверенно, он силен, жизнеспособен. Поверьте, я не захваливаю оперетту — она действительно, что называется, «крепко стоит на ногах» и, думаю, устоит.

Во все времена находились люди, готовые бросить камень в оперетту, прислать ей пошлость, буржуазность, безвкусицу. Причем предъявлялись подобные обвинения ей, но никак не ее интерпретаторам, неумелым работникам от искусства. Они-то и компрометировали оперетту настоящую, ту, которая всегда была любима народом за юмор, веселье, за ту

гамму человеческих чувств, которая в хорошей оперетте есть. В нашем жанре написаны произведения публицистические и героические, проникновенно — лирические и победительно — веселые. То есть любые эмоциональные состояния как бы изначально собраны в оперетте, и зритель любого возраста найдет в ней для себя близкое и понятое.

Однако не подумайте, что я воспеваю «старую добрую оперетту» — как и мои коллеги, я вижу изменения. Общий смысл этих всех изменений я бы охарактеризовал как приближение к современности. Именно через эти спектакли мы как бы держим связь с реальной жизнью.

— Владимир Игнатьевич, но как часто о жизни человеческого духа, о реальных человеческих проблемах нам интереснее рассказывает классика, а некоторые современные произведения — надуманы, неглубоки.

— Конечно, на моей памяти много ролей, которые приходилось буквально спасать. Они говорили о беспомощности своих авторов, о том, что сочинители явно исходили из каких-то отживших, предвзятых толкований, штампов, известного набора малопривлекательных ситуаций. Да: что есть, то есть. Наш жанр от этого не свободен.

Обращаемся, естественно, к классике, произведения кото-

рой прошли уже такую проверку временем и испытаны поколениями и поколениями зрителей. А поэтому и любими.

— Как в этих условиях — при дефиците хороших пьес и обращении к давно известной, не раз игранный классике — актер оперетты может выявить тему своего творчества?

— Это порой очень сложно. Но по своему опыту знаю, что все же возможно. Приходится ловить малейшую возможность. Лицо моя тема, как я ее пытаюсь вести уже много лет, — это тема маленького человека. Маленького, но не мелкого. Мне нравится искать и находить в своих героях — на первый взгляд не ярких и непримечательных — такие черты, которые составляют единство, неповторимость личности. Такой поиск в конечном счете должен привести к сверхзадаче: людей незначительных нет, каждый из живущих на земле важен, если он живет по законам чести, добра, справедливости. По этому, что ли, принципу я работал над ролью деда Сливы («Любовь не виновата»), Соломона («Пеперексток»), Флорестино («Дон Жуан в Севилье»). Все это люди самобытны.

— Ощущаете ли Вы, как с годами меняется Ваш зритель? Кто он, какого возраста, что любит, что требует?

— Недавно в какой-то телевизионной передаче запомнил-

ся эпизод: актриса что-то вспоминает, поет... Вдруг в какой-то момент прерывает пение и шутя, иронично говорит: «Раньше в этом месте был смех». Очень показательная деталь. Не все то, что раньше радовало или восхищало, сейчас имеет цену. Зритель безусловно изменился, стал умнее, образованнее, его устраивает далеко не все.

Наконец, подрастает совершенно новый зритель, который просто не в курсе предшествующих некогда традиционных установок и форм. Ему нужен, и совершенно справедливо, день сегодняшний. Театр должен ответить человеку, отозваться в его душе идеалом, мечтой, добрым деянием.

— А каков по — Вашему этот новый молодой зритель? Что вас в нем радует, что огорчает и в связи с этим что хотелось бы ему пожелать?

— Не могу вспомнить конкретного случая, но скажу, что был свидетелем таких фактов, после которых облик современного молодого человека вырисовывался далеким от приятности. Но проходило какое-то время, и уже другие факты как бы опровергали предыдущие — юноша или девушка были благородными, интересными, неравнодушными, интеллигентальными. И я говорил себе — нет, тогда я ошибался.

Однако есть у меня по поводу нашей молодежи некое общее соображение. Чего, с

моей точки зрения, ей недостает, так это творчества. В широком смысле.

Творчество это не только что-то связанное с искусством. Для меня это синоним какого-то хорошего увлечения.

По себе знаю, что когда занимаюсь чем-то полезным, хорошим, мне легче. И это было всегда. Начиная с армии, с работы в ансамбле, потом в театре оперетты, где помимо ролей в основном репертуаре я готовил самостоятельно концертные номера — пародии, юмористические куплеты, иногда рисовал шаржи. В какой-то момент меня кое-кто стал воспринимать как настоящего художника и поэта, сочиняющего всерьез стихи, литературу. Да нет же, это помогает, это интересно. Что-то сочиняя, мне легче, свободнее. Сейчас увлекся фотографией, слайдами. Я, естественно, не фотограф, но это то, чему не жалко отдать время. То, что увлекает, делает жизнь полнее. Может быть, потому, что как актеру мне необходимо постоянно находиться в творческой форме, я изобретаю себе различные увлечения. Но, думаю, каждому человеку, независимо от профессии, надо испытывать это чувство творчества. Вот это-то я и хочу пожелать молодежи.

Беседу вел
Александр КОЛЕСНИКОВ,
наш корр.